

УДК 316.344

РЕУТОВ Евгений Викторович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85; reutovevg@mail.ru)

ЗАХАРОВ Виктор Михайлович — доктор социологических наук, профессор; директор Института экономики и управления Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85; zakharov@bsu.edu.ru)

ПОЛУХИН Олег Николаевич — доктор политических наук, профессор; ректор Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85; pon@bsu.edu.ru)

РЕУТОВА Марина Николаевна — кандидат социологических наук; доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85; reutova@bsu.edu.ru)

ШАВЫРИНА Ирина Валерьевна — кандидат социологических наук; доцент кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова (308012, Россия, г. Белгород, ул. Костюкова, 46, shavyrina_77@mail.ru)

НЕРАВЕНСТВО ЖИЗНЕННЫХ ШАНСОВ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ФАКТОР ТЕРРИТОРИИ: ВЗГЛЯД ИЗ ПРОВИНЦИИ

Аннотация. В статье на основе использования социологического инструментария показана существенная разница в объеме жизненных шансов населения российской провинции и столичных городов достичь образовательных и карьерных целей, а также внутрирегиональное неравенство территорий, хотя и в меньших масштабах. Органам региональной и местной власти рекомендовано разработать комплекс мер, направленных на стимулирование роста человеческого капитала, создание условий для профессиональной и предпринимательской самореализации в местах проживания, на поощрение форм активной локальной идентичности, формирующих активные предпринимательские практики. На федеральном уровне необходимо сформировать систему адекватной оценки реализуемых программ, проектов и пр., для того чтобы они стали реальным инструментом выравнивания жизненных шансов жителей российских территорий.

Ключевые слова: социальное неравенство, социальная дифференциация, распределение доходов, жизненные шансы, человеческий капитал, самореализация

Введение

Неравномерность развития территорий российского общества — макрорегионов, субъектов федерации, муниципалитетов — является естественным следствием действия комплекса природно-географических, исторических, экономических, политических, социокультурных факторов. Дифференциация социально-экономического развития отдельных регионов в составе национальных государств — распространенное в современном мире явление, которому посвящен большой массив исследований, так же как и способам выравнивания неравномерности территориального развития [Глуценко 2015; Зубаревич 2010; Зубаревич, Сафонов 2013; Плотников, Лисина 2018; Krugman 1991].

Причины неравномерности развития территорий выходят за пределы нашего исследования. Что же касается социальных следствий неравномерного территориального развития, то они лежат в плоскости объема и характера человеческого потенциала, или уровня человеческого развития территорий. В настоящее время индекс человеческого развития стран рассчитывается ежегодно

ООН на основе таких интегральных показателей, как уровень образования населения, продолжительность жизни и уровень жизни. По результатам 2018 г. Россия в рейтинге 189 стран по ИЧР заняла 49-е место (значение индекса — 0,824), войдя в группу стран с очень высоким ИЧР (значение индекса не менее 0,7)¹. Аналитический центр при Правительстве России рассчитывает индекс человеческого развития применительно к субъектам РФ. В последнем из них, опубликованном в 2018 г. по данным, характеризующим 2016 г., регионы России получили значения индекса от 0,786 (Республика Тыва) до 0,952 (Москва)².

Рассчитанные на основе объективных показателей, в основе которых — набор статистических данных, соответствующие индексы позволяют оценить и привлечь внимание стран и внутристрановых территорий для проживания и определить их, если можно так выразиться, конкурентоспособность, выраженную в их притягательности для инвестиций в широком смысле — от финансовых вливаний до привлечения высококвалифицированных трудовых ресурсов.

Целью данной статьи является оценка посредством социологического инструментария неравенства жизненных шансов населения российских регионов в системе координат «центр — провинция» и иных параметров территориально-поселенческой структуры российского общества.

В эмпирической основе данной статьи — результаты социологического исследования «Ментальные неравенства как фактор социальной поляризации российской провинции», проведенного в Белгородской и Воронежской областях и состоящего из массового анкетного опроса (май—июнь 2018 г., $N = 1\ 200$), серии полуструктурированных интервью (сентябрь—октябрь 2019 г., $N = 50$) и экспертного опроса (июнь—июль 2020 г., $N = 50$).

«Центр — провинция» как ведущая дихотомия территориальной структуры России

Неравномерность регионального развития в различных странах, как правило, сильнее всего выражена именно по линии «центр — провинция» (или «центры — провинция»). Под провинцией, в соответствии с нашей концепцией, сформулированной в предыдущих работах, мы будем понимать «совокупность территорий, находящихся на достаточном удалении от административно-политического и культурного центра (центров) государства, а также точек инновационного экономического роста и несущих на себе отпечаток зависимости и вторичности в воспроизводстве социальных практик и отношений» [Реутов, Реутова 2020: 260]. Провинциализм — это прежде всего социокультурное понятие, означающее, помимо всего прочего, ограниченность жизненных шансов, возможностей самореализации тех людей, которые по своему психотипу или набору когнитивных свойств не соответствуют модальной норме и в то же время не обладают большим объемом социального капитала в виде происхождения, принадлежности к клану и пр. Р. Брин, в частности, задавался вопросом, в какой степени такие вещи, как неравенство в жизненных шансах между индивидами и семьями, структурированы на основе класса, и предлагал рассматривать имеющиеся у индивидов жизненные шансы в контексте доступа к редким и ценным благам [Breen 2005]. В современном обществе, в котором доминирует индивидуализм и возникает, казалось бы, множество шансов, что можно охарактеризовать как «жизнь в мире, полном возможностей, каждая из

¹ Доклад о человеческом развитии 2019. С. 22. Доступ: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2019_overview_-_russian.pdf (проверено 20.09.2020).

² Человек и инновации. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. 2018. С. 161–163. Доступ: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/19663.pdf> (проверено 20.09.2020).

которых более привлекательна, чем предыдущая» [Бауман 2008: 70], далеко не каждый индивид может в полной мере реализовать эти шансы.

По данным опроса ВЦИОМа (июнь 2020 г.), для 13% россиян смена места жительства – это именно то, что не хватает им, «чтобы преуспеть в жизни, добиться более высокого положения в обществе». И это на самом деле не так уж мало, поскольку это 4-й по значимости фактор реализации достигательских установок (лидирует материальная обеспеченность – 34%)¹.

Эмпирический анализ неравенства жизненных шансов жителей территорий

Как было сказано выше, специфика провинциальных социумов состоит в высокой значимости социального капитала семьи в социоэкономической самореализации человека – его профессионализации, карьерном продвижении, достижении предпринимательского успеха. В относительно небольших сообществах очень сильно проявляется дистрибутивный характер социальных отношений. А при ограниченности объема социально значимых ресурсов четко проявляется тенденция их концентрации в среде административной и предпринимательской элитных групп, зачастую представляющих собой единое целое. Как показали результаты массового анкетного опроса, значительная доля представителей провинциальных социумов (42,1%) убеждены в том, что без связей, «блата» в их городе, районе невозможны ни хорошее трудоустройство, ни карьерный рост, ни эффективная предпринимательская деятельность, ни иные способы профессиональной самореализации. Безусловно, это субъективная оценка, но в ее основании лежат не только стереотипы, но и личный опыт либо опыт, транслируемый в привычных кругах коммуникации. И эта оценка зачастую трансформируется в соответствующую установку, оказывающую негативное воздействие на индивидуальную активность либо канализирующую ее в иных направлениях (миграция, уход в приватные практики, саморазрушающее поведение и пр.). Еще 32,3% опрошенных отметили наличие в месте их проживания возможностей для трудоустройства, карьерного роста, развития предпринимательства, но с тем условием, что воспользоваться ими могут лишь очень способные и целеустремленные люди. И лишь 15,9% респондентов отметили наличие в их городе или районе большого объема возможностей в профессионально-деловой сфере для всех [Реутов, Реутова, Шавырина 2020: 66].

Неожиданным результатом исследования оказался тот факт, что представления о возможностях и ограничениях самореализации в профессионально-деловой сфере фактически не зависят от поселенческого статуса респондента. И в больших, и в малых городах, и в сельских поселениях их жители солидарны в наличии серьезных средовых барьеров личной активности (см. табл. 1).

Попытка объективировать неравенство жизненных шансов в зависимости от поселенческого статуса посредством экспертного опроса ($N = 50$, группа экспертов была представлена сотрудниками государственных и муниципальных учреждений – 50%, представителями научного сообщества – 28%, государственными и муниципальными служащими – 16%, журналистами – 6% из трех регионов – Белгородской, Воронежской и Курской обл.) дала следующие результаты. Во-первых, выяснилось, что, по мнению 2/3 экспертов (66%), неравенство жизненных шансов жителей российской провинции, с одной стороны, и крупных мегаполисов, в т.ч. Москвы и Санкт-Петербурга, – с другой, выражено «очень сильно», и лишь 34% опрошенных указали, что оно выра-

¹ Социальные лифты: едут или стоят? Доступ: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10346> (проверено 26.06.2020).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, в Вашем городе или районе есть все возможности для трудоустройства, карьерного роста, развития предпринимательства и других способов профессиональной самореализации?», %

Ответ / Тип поселения	Город с населением более 100 тыс. чел.	Город с населением менее 100 тыс. чел.	Село	Всего
Да, таких возможностей много; дело лишь в желании	16,5	14,6	15,6	15,9
Такие возможности есть, но воспользоваться ими могут лишь очень способные и целеустремленные люди	32,1	33,8	31,7	32,3
Такие возможности есть только для тех, у кого есть родственные связи, «блат»	44,4	40,9	39,1	42,1
Затрудняюсь ответить	7,0	10,7	13,6	9,7

Коэффициент V Крамера [0...1]: 0,022.

жено «в небольшой степени». При этом экспертные оценки отличаются высоким уровнем пессимизма в отношении уменьшения этого измерения социального неравенства: лишь 4% посчитали, что оно будет уменьшаться в течение 10 ближайших лет, 46% спрогнозировали его сохранение на нынешнем уровне, и 50% – дальнейший рост неравенства между жизненными шансами жителей центра и провинции.

Во-вторых, экспертная оценка выявила значительное неравенство жизненных шансов в приращении человеческого капитала (прежде всего, в образовательной и профессиональной сферах). Территориально-поселенческий признак, с точки зрения экспертов, оказывает существенное влияние на возможность получения качественного образования. Так, шанс на получение качественного образования среднего жителя села оценивается экспертами в 4 балла по 10-балльной шкале, малого города – в 5,16 балла, провинциального областного центра – в 7,3 балла, мегаполиса – в 9 баллов. Таким образом, разрыв между шансами получения качественного образования между крайними поселенческими группами оказался более чем в 2 раза.

Аналогична и разница в шансах на успешную карьеру. По экспертной оценке, у жителя села ее возможность равна 3,82 балла (по 10-балльной шкале), у жителя малого города – 5,02 балла, провинциального областного центра – 6,8 балла, мегаполиса – 8,06 балла.

Данные всероссийского опроса ВЦИОМа (август 2020 г.) также свидетельствуют о сохраняющихся в общественном мнении установках о неравенстве возможностей для профессиональной самореализации, достижения материального достатка и получения качественного образования в Москве и других регионах России (в пользу первой). Но вместе с тем, когда поднимаются вопросы здоровой жизни, безопасности, обеспечения жильем, личной свободы, создания семьи, воспитания детей и, тем более, экологической обстановки, регионы России оцениваются россиянами в более выигрышном свете по сравнению с Москвой. Так, о наличии больших возможностей для получения хорошего образования в Москве говорят 51% опрошенных россиян, в регионах – 9%, о равенстве возможностей – 37%. О лучших шансах найти под-

ходящую работу в Москве говорят 52%, в регионах – 11%, о равенстве возможностей – 32%. О лучшей возможности обеспечить себе и своей семье достойный уровень материального положения в Москве говорят 56%, в регионах – 10%, о равенстве таких возможностей – 28%. Однако преимущества Москвы в том, чтобы заняться бизнесом, организовать свое дело, видят всего 22% респондентов, регионов – также 22%, равенство возможностей – 44%. Преимущества Москвы в сохранении здоровья усматривают 28% россиян, регионов – 36%, равенство возможностей – 32%. О том, что Москва лучше подходит для обеспечения личной безопасности, считают всего 12% опрошенных; регионам в данном отношении отдают предпочтение 34% респондентов; о равенстве условий говорят 47%. Условия для обеспечения личной свободы в Москве лучше с точки зрения 17% опрошенных, в регионах – 22%, равны – 51%. Встретить любимого человека и создать счастливую семью скорее получится в Москве с точки зрения всего 4% респондентов, в регионах – 16%; шансы на это равны – 71%. Воспитывать детей, ограждая их от дурного влияния, лучше всего в Москве с точки зрения 5% респондентов, в регионах – 39%; шансы равны – 52%. О том, что благоприятную экологическую обстановку больше шансов встретить в Москве, считают 5% опрошенных, за ее пределами – 73%; шансы на это равны – 17%¹.

Возвращаясь от экспертных оценок и результатов всероссийских опросов к мнениям и представлениям участников провинциальных сообществ относительно условий для самореализации в профессиональной и общественной деятельности, следует привести ряд нарративов интервью, в которых преобладают крайне скептические высказывания. Безусловно, в ходе интервью фиксировались и мнения о том, что активный человек сможет найти свою нишу и достичь жизненного успеха даже в глухой провинции (высказывания респондентов приведены с минимальной стилистической и пунктуационной редакцией): «Можно везде абсолютно. Можно... Ну, конечно, в городе больше вариантов. Но можно и здесь. Вообще проще преуспеть там, где больше людей, потому что в основном на людях деньги зарабатывают. Но, в принципе, можно и в деревне взять 100 гектар. И сажай, выращивай, вези в город. Или в город езжай. Можно везде при желании. А если нету желания, то и под носом ничего не будешь видеть, ничего не делать» (мужчина, 31 год, село).

Но в подавляющем большинстве случаев в ответах респондентов просматривалась или была прямо выражена неудовлетворенность социальной ситуацией, состоянием рынка труда и набором условий для самореализации в месте своего проживания. В меньшей степени это касалось крупных городов, особенно Воронежа, в гораздо большей – сел и поселков. При этом в части высказываний в качестве конечной цели желаемой территориальной мобильности указывались другие страны. И что еще следует отметить, негативные оценки жизненных шансов в провинции давали представители абсолютно всех возрастных групп: «Если я захочу чего-то добиться в любом городе, я добьюсь, потому что врачи везде нужны, но в то же время я повторяю, что в таких городах, как Москва и Питер, если я буду хорошим специалистом, то там меня будут ценить больше. И тем более, если какие-то новые технологии развиваются, то они сначала идут в Питер и Москву и только потом разбрасываются по областям и городам. Новые технологии доходят до нас намного позднее, чем до Москвы, поэтому, конечно, мне бы хотелось. Но “мне бы хотелось” – это одно, а смогу ли я – это другое» (женщина, 18 лет, живет в селе, учится в областном центре);

¹ Москва – город возможностей. Доступ: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10429> (проверено 04.09.2020).

«В нашем случае, в России шансов чего-то достичь — это только крупный город. Москва, конечно, прежде всего. Уровень жизни Москвы и всей остальной России — разный. Поэтому для того, чтобы самореализоваться, если добиться чего-то кто-то желает, конечно, он это делать должен не на периферии, а в крупных городах, прежде всего, в Москве. У нас в России надо жить там, где ты родился. Но, конечно, шансы — это лучше за пределами» (мужчина, 53 года, райцентр); «Людам всегда кажется, что трава зеленее у соседей в саду. Успех практически не зависит от местоположения, но если учесть некоторые особенности нашей области (воровство проектов, обязательные условия открытия), возможно, где-то в другом месте. — А где именно? В другом населенном пункте Вашего региона, в другом регионе России или за ее пределами? — За пределами России» (женщина, 22 года, областной центр); «Хотя говорится, что где родился, там и пригодился. Но здесь мало шансов. — А где именно? — Москва, наверное» (женщина, 61 год, районный центр); «Где-то в другом месте шанс преуспеть больше. — А где именно? — В крупных городах России и за ее пределами» (женщина, 45 лет, областной центр); «Все зависит от ситуации в целом. Но скорее всего, процент добиться успеха в жизни выше в других регионах. — А где именно? — Возможно, центральные города России. А если за пределами, то США, Канада, Китай» (женщина, 26 лет, областной центр); «У нас не все находят работу, которая нравится. Лучше уезжать куда-то. У нас нет работы. Допустим, устроился человек на какую-то работу. Работает и работает до пенсии. Некуда себя применить молодежи. Это же сельская местность. Мало у нас достойных мест. Они в основном заняты, редко освобождаются. А если освобождаются, то туда устраиваются “близкие” люди» (женщина, 60 лет, село); «Я думаю, что сейчас больше шансов всегда в больших городах. В миллионнике, например — Воронеж, Москва, Питер, где есть больше работы, больше специальностей, больше возможностей, естественно. В мегаполисах, где и зарплата выше и есть больше возможностей» (женщина, 53 года, райцентр); «Конечно, в другом месте. — А где именно? — Сначала хотя бы в Воронеже, а там дальше. Но только не в нашем городе. А Москва, Петербург — это самые перспективные города» (женщина, 50 лет, райцентр); «В другом месте. У нас не добьешься. — А где именно? — Я считаю, в городе. Можно и в нашем регионе, не уезжая за границу. Я считаю, что это рискованно» (женщина, 60 лет, село); «Там, где мы проживаем, этот город связан с сельским хозяйством. То есть, я думаю, перспектива в нашем городе только одна — это все, что непосредственно связано с сельским хозяйством. Мне хотелось бы, чтобы это был другой совсем даже регион. Может быть, даже за пределами России. Я, конечно, была бы безумно счастлива, если бы дети реализовали себя где-то в другой стране» (женщина, 39 лет, райцентр).

В последнем высказывании акцентируется пожелание респондента, адресованное своим детям. И хотя подавляющее большинство собеседников подчеркивали, что выбор места своего проживания они оставляют исключительно своим детям, не намереваясь влиять на него ни в ту, ни в другую сторону, в значительном числе их ответов была все та же неудовлетворенность условиями для достойного трудоустройства и самореализации в месте их проживания: «А чего бы Вы больше хотели — чтобы Ваш ребенок (дети) остались жить в Вашем городе (селе) или уехали в другое место? — Ну я, конечно, как отец, хотел бы, чтобы дети жили рядом, с нами жили. Но мое желание не всегда совпадает с их желанием и с теми условиями, которые созданы у нас, чтобы они могли самореализоваться, развиваться, находить свою дорогу в жизни, находить свои возможности. Я думаю, что есть места для этого более подходящие. И, наверное, они должны их искать» (мужчина, 53 года, райцентр); «Это тоже вопрос выбора. Но я бы хотела предложить своим детям попробовать свои силы в

более крупном населенном пункте, будь то областной центр, столица, может быть. В молодости нужно ставить более амбициозные цели» (женщина, 56 лет, село).

Хотя для большинства жителей российской провинции общественная активность находится на периферии их жизненных интересов и практик, ее проявления все же имеют нормативный характер, а людей с активной гражданской позицией, как правило, уважают. Соответственно, реакция властей и общественности на гражданский активизм и в целом на некую самостоятельную гражданскую позицию также может служить индикатором привлекательности территорий.

В прозвучавших в ходе полужурналистских интервью нарративах описывается, скажем так, амбивалентное отношение основных групп влияния на тех или иных территориях к общественной активности граждан. В высказываниях большей части респондентов отчетливо звучит мотив поддержки общественных инициатив, которые направлены на цели, однозначно интерпретируемые как общее благо: «Проведение демонстраций, митингов, субботников, волонтерство и очень-очень много... В области культуры можно привести примеры и спорта и все... У нас активные люди всегда в почете, в уважении. Они вокруг себя сколачивают множество народа, и за ними идут. Это все у нас хорошо» (женщина, 67 лет, райцентр); «Ну вот мероприятия по уборке востребованы и проводятся не только в моем районе, такая вот минимальная активность есть повсеместно. Что более масштабное – встречается редко, пару раз в год проводятся какие-то городские мероприятия, но их как-то маловато. Было бы побольше, я тоже бы в них поучаствовала. Препятствий никаких нет, органы местного самоуправления только “за”, вопрос в инициативности людей, гражданской активности граждан» (женщина, 51 год, областной центр); «В таких местах, как я живу, люди друг друга знают, и они все помогают. Ну, например, субботники. Очень хорошо реагируют. Или там какие-то концерты устраивают. Какая-то помощь нужна... Все, что угодно. В малых городах, в малых населенных пунктах это очень хорошо проявляется – взаимопомощь. Если ты проявляешь себя, люди только рады» (женщина, 72 года, село); «Ну востребованы – только в общественных нуждах – в ремонте дорог, школ, может быть» (женщина, 52 года, райцентр).

Но в ряде случаев респонденты отмечают невостребованность общественных инициатив, особенно в тех случаях, когда речь идет о ее нестандартных проявлениях, не санкционированных властью: «Как Вы думаете, там, где Вы живете, общественный активизм, активная гражданская позиция встречают скорее препятствия или поддержку, востребованы они или нет, и если да, то в каких именно направлениях деятельности? – Конечно, препятствия. У нас, если ты начнешь что-то говорить против, то сразу потеряешь место работы, а мест работы очень мало в городе» (женщина, 50 лет, райцентр); «Точно не востребована, потому что мы давным-давно погрязли в своем провинциальном болоте, утонули в нем» (мужчина, 47 лет, райцентр); «Нет, большинство людей заиклено на простом выживании. Поэтому мало таких людей. Я практически их не встречала. Небольшая доля активности, если это можно отнести к социальной сфере жизни, – в культуре. Это единственное в нашем селе, что хоть немножечко развивалось и развивается. Но это малое количество людей» (женщина, 50 лет, село).

Заключение

В последнее десятилетие региональная политика федерального центра в России была направлена на выравнивание социально-экономического разви-

тия субъектов федерации. Федеральные дотации, введение унифицированной системы показателей для оценки деятельности исполнительной власти регионов, даже создание отдельных министерств по делам наиболее проблемных макрорегионов позволили предотвратить деградацию наиболее депрессивных территорий и несколько сгладить разрыв между регионами-лидерами и аутсайдерами. Так, Е. Казанцева отмечает, что в 2000 г. разница между первым (Тюменская обл., объем инвестиций в основной капитал на душу населения – 62 011 руб.) и последним в рейтинге регионе (Республика Тыва, объем инвестиций в основной капитал на душу населения – 922 руб.) составила 67,26 раза. В 2018 г. разрыв между первым (Тюменская обл., 627 473 руб.) и последним (Ивановская обл., 29 571 руб.) составил 21,22 раза [Казанцева 2019]. Однако, во-первых, социально-экономическое неравенство регионов лишь немного сгладилось, но не снизилось до приемлемого с точки зрения интегрированности социума уровня. Во-вторых, последствия нынешнего экономического кризиса могут оказаться непредсказуемыми для регионального развития России. И, наконец, в-третьих, набор социально-экономических показателей, которыми принято измерять уровень межрегиональных различий, далеко не всегда позволяет судить о реальном качестве жизни населения регионов, об удовлетворении жизненных потребностей их жителей. Проблема неравенства жизненных шансов жителей отдельных территорий (центр и провинция, крупные и малые города, села и поселки) решается посредством политики выравнивания территориального развития, инвестиций в социальную инфраструктуру страны либо (на индивидуальном уровне) путем территориальной мобильности. В последнем случае проблема качества человеческого потенциала или уровня человеческого развития для регионов – доноров человеческих ресурсов становится еще острее.

В данных условиях региональным и муниципальным властям необходимо выработать комплекс мер, направленных на стимулирование роста человеческого капитала, создание условий для комплексной самореализации (профессиональной и предпринимательской прежде всего) в местах проживания, на поощрение форм активной локальной идентичности, формирующих активные предпринимательские практики. От федеральной власти, в свою очередь, требуется сформировать систему адекватной оценки соответствующих мер (программ, концепций и пр.), для того чтобы они стали реальным инструментом выравнивания жизненных шансов жителей российских территорий и предотвращения образования в стране депрессивных анклавов с деградирующим населением.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант «Ментальные неравенства как фактор социальной поляризации российской провинции» № 18-011-00474 (руководитель Е.В. Реутов).

Список литературы

- Бауман З. 2008. *Текущая современность* (пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочкова). СПб: Питер. 240 с.
- Глущенко К.П. 2015. Об оценке межрегионального неравенства. – *Пространственная экономика*. № 4. С. 39–58.
- Зубаревич Н. 2010. *Регионы России: неравенство, кризис, модернизация*. М.: Независимый институт социальной политики. 160 с.
- Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. 2013. Неравенство социально-экономиче-

ского развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? – *Общественные науки и современность*. № 6. С. 15–26.

Казанцева Е.Г. 2019. Проблемы регионального неравенства в России. – *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. № 2(58). Доступ: <https://eee-region.ru/article/5804/> (проверено 20.09.2020).

Плотников В.А., Лисина Е.А. 2018. Оценка уровня региональной дифференциации в Российской Федерации, – *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии*. № 2(36). С. 5–15.

Реутов Е.В., Реутова М.Н. 2020. Жизненные шансы в российской провинции. – *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. Т. 45. № 2. С. 259–270.

Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. 2020. Жизненный успех и шансы на его достижение в представлениях жителей российской провинции. – *Социс. Социологические исследования*. № 6. С. 61–71.

Breen R. 2005. Foundations of a Neo-Weberian Class Analysis. – *Approaches to Class Analysis* (ed. by E.O. Wright). Cambridge: Cambridge University Press. P. 31–50.

Krugman P. 1991. *Geography and Trade*. Cambridge, MA: MIT Press. Xi + 142 p.

REUTOV Evgenij Viktorovich, *Cand.Sci. (Soc.)*, Associate Professor of the Chair of Social Technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University (85 Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015; reutovevg@mail.ru)

ZAKHAROV Viktor Mikhailovich, *Dr.Sci. (Soc.)*; Director of the Institute of Economics and Management, Belgorod State National Research University (85 Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015; zakharov@bsu.edu.ru)

POLUKHIN Oleg Nikolaevich, *Dr.Sci. (Pol.Sci.)*, Rector of Belgorod State National Research University (85 Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015; pon@bsu.edu.ru)

REUTOVA Marina Nikolaevna, *Cand.Sci. (Soc.)*, Associate Professor of the Chair of Social Technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University (85 Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015; reutova@bsu.edu.ru)

SHAVYRINA Irina Valerievna, *Cand.Sci. (Soc.)*; Associate Professor of the Chair of Sociology and Management, Shukhov Belgorod State Technological University (46 Kostyukova St, Belgorod, Russia, 308012; shavyrina_77@mail.ru)

THE TERRITORIAL FACTOR OF THE LIFE OPPORTUNITIES INEQUALITY IN RUSSIAN SOCIETY: THE PROVINCIAL PERSPECTIVE

Abstract. The authors apply to the sociological data and demonstrate a significant difference between the life chances of the population in the Russian province and in the capital cities. The special attention the authors pay to the comparison of the abilities to achieve the educational and career goals. As the article notes, there is also an intra-regional inequality of territories, although not to a large extent. The authors claim that regional and local authorities ought to develop some measures of stimulation of the growth of human capital, creating conditions for the local professional and entrepreneurial self-realization, for the encouraging forms of active local identity that form active entrepreneurial practices. It is necessary to form a system of an adequate assessment of programs, projects, etc. at the federal level, and its implementation could equalize the life chances of the residents of the different regions.

Keywords: social inequality, social differentiation, income distribution, life chances, human capital, self-realization
